

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ ЛЕКСИКИ, ЭКСПЛИЦИРУЮЩЕЙ РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ

С. Ю. Дубровина

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Поступила в редакцию 10 февраля декабря 2019 г.

Аннотация: в современных русских говорах, несмотря на воздействие на них норм литературного языка, межкультурную контактность и деформацию в результате воздействия средств массовой информации, постепенное исчезновение диалектов в условиях цивилизации медиа, сохраняется лексическое ядро, в котором особое место занимает лексика нравственно-религиозной сферы. Наличие этого лексического пласта выделяет русский язык среди других в отношении аксиологической акцентированности земного и небесного. В настоящей статье обобщены наблюдения автора, касающиеся состава, семантики, сложения лексических гнезд, составляющих макрополе народного православия, формальной стороны словопроизводства единиц соответствующей лексики на общерусском фоне с привлечением материала, собранного автором статьи в Тамбовской области. Выделены разновидности структурных типов номинаций, определены особенности и приоритеты словообразовательной креативности. Для достижения целей исследования применялись методы сопоставительного, лексического, словообразовательного, компонентного анализа.

Ключевые слова: русский язык, русские диалекты (говоры), номинации, слова-композицы, словопроизводство, фразеологизмы, способы и типы словообразования.

Abstract: in modern Russian beef, despite their deformation and gradual disappearance in the conditions of media civilization, a special place is occupied by the vocabulary of the moral-religious sphere, which highlights Russian among other languages with regard to the axiological emphasis of the Earth and the sky. This article summarizes observations over the formal side of the language system relating to the word formation of vocabulary units. On the basis of the material collected by the author of the article in the territory of the Tambov region, various varieties of structural types of nominations have been identified, features and priorities of word-building creativity have been defined. To achieve the objectives of the study, methods of comparative, lexical, word-forming, component analysis were used.

Keywords: Russian language, Russian dialects (speakers), nominations, word composites, phraseologized phrases, word formation, word structure.

Русские говоры обладают несомненным богатством духовного плана, заключающемся в наличии лексического корпуса, эксплицирующего вероисповедание (слов, словосочетаний, фразеологических единиц). В современных русских говорах, несмотря на деформацию диалектов и их постепенное исчезновение в условиях цивилизации медиа, особое место занимает лексика нравственно-религиозной сферы православной ветви христианства. Наличие этой характеристики выделяет русский язык в целом и локальные языковые системы аксиологической акцентированностью в осмыслении земного и небесного. Большой интерес вызывают исследования лексикологов, диалектологов и этнолингвистов, обращенные к креативной словопроизводительности лексических номинаций диалектной лексики, формирующей многогранный образ мира носите-

лей традиционной языковой и этнической культуры [1; 2; 3; 4].

Разноаспектное исследование словарного состава данных русских говоров убедительно свидетельствует о том, что в лексике народного православия смешиваются, по меньшей мере, два основных, генетически неоднородных, пласта: номинации общеславянского происхождения, составляющие древнейший фонд русской лексики, и номинации, производные от церковнославянизмов и библеизмов. Таким образом, «диалектный извод» лексики, эксплицирующей идеи христианства (православия) в современном русском языке, находится в тесной связи с церковнославянским и литературным русским языками.

В русских говорах наличествуют характерные разновидности структуры лексических единиц христианской лексики. Среди них выделяются первичные, цельнооформленные субстантивные, отыменные и отглагольные номинации, слова-композицы,

устойчивые сочетания. Применима и иная систематизация формального строения манифестантов полей православной лексики, в частности, уместна лексико-грамматическая классификация, основанная на общности значения и частеречной принадлежности производящих, наличии одинакового состава грамматических категорий.

Большой интерес в плане смысловой организации и состава представляют диалектные фразеологизмы. В отношении фразеологии в свое время был удачно представлен материал в «Словаре говоров Подмосковья» А. Ф. Ивановой (Войтенко), к примеру: *бобылка рахманная* — 'женщина, не умеющая вести хозяйство'; *дева вековая* — 'девушка, не выходящая замуж; старая дева'; *куды ража* — 'очень хорошо', *мимо рта соваться* — 'вертеться в голове, на языке' и др. [5, 174]. Описание образцов цитируемой фразеологии Подмосковья опирается на классификацию, разработанную для «Фразеологического словаря русского языка» А. И. Молоткова (1967) [6], где обосновано выделение шести лексико-грамматических разрядов идиом («адвербиальные», «адъективные», «глагольные», «глагольно-пропозиционные», «именные», «междометные»).

Учитывая данный научный опыт, представляется уместным обозначить особенности формирования фразеологизмов на нашем материале. К фразеологическим сочетаниям можно отнести и наименования памятных дней в православном календаре. Рассмотрение идиом, зафиксированных словарями русских говоров [8; 11; 13], в том числе записанных на территории Тамбовской области в начале настоящего века, свидетельствует о том, что диалектное словотворчество расположено к возможно большей адаптации производного к языковой и семантической системе говора. При этом, стремясь к сохранению производящей базы (именослова календаря), морфологическая система того или иного говора обладает достаточными морфологическими средствами для деривации.

В частности, в отношении именованных дней святых, зафиксировано наличие оригинальных названий, посвященным двум святым одновременно: при литературном русском — «святых бессребреников Космы и Дамиана, 14 июля н. ст.», в тамбовских говорах — *Кузьма-Демьяна, Кузьмы-Демьяна (Кузьмы и Демьяна)*. Структура «парного» именослова в им. — род. п. сохраняется далее: *Фро́л и Лавё́р* — «мучеников Флора и Лавра илирийских, 31 августа н. ст.», *Петра́ и Па́вела, Пятры́-Па́влы, Пётр и Па́вел, Бори́с и Глеб*.

В именованных днях памяти святых и памятных дат сохраняется фонетика говора, наличествует диалектная огласовка имен, созвучная южнорусской интонации, близкая к христианской традиции церковного именослова, но не дублирующая ее. Под влиянием структурной адаптации к диалектной системе в номинациях свободно развивается креативное

словотворчество. Так, в тамбовских говорах привлекает фонетическое внимание историческая мена пар согласных [ф] и [х], [р] и [л] — *Фро́л, Хро́л, на Хро́лаф день*. В произнесении южнорусского *Лавё́р* (литературное Лавр) обнаруживается, во-первых, увеличение слогов в слове до двух, что не равно исходному литературному и церковнославянскому односложному имени *Лавр*. Далее, само имя *Лавр* меняется коренным образом; претерпевая напевное влияние южнорусских говоров; имя приобретает дополнительный гласный после [в] и второй слог за счет пазвука. Затем волна ударения под влиянием этих изменений перемещается на второй слог: *Лавё́р*, где первоначальное *Лавр* переходит в *Лавь^ар* или *Лав^ор* (*Лавё́р* или *Лавар*). В ходе чередования ударного и безударного слогов, удлинения новообразованного слога за счёт гласного образуется номинация с ударением на втором слоге (*Лавё́р*). Весь переход можно изобразить следующим образом: *Лавр* → *Лавър* → *Лав^ор* → *Лавё́р*.

В данном случае действуют законы системной адаптации «чужого», характерные для просторечия. Происходит перестановки мест старого редуцированного и плавного, которое южнорусские говоры знают в именах собственных. Имя Лавр не подвергается перестановке плавного, но развиваются свойственные акающим диалектам пазвуки в закрытом слоге. Подобные явления привлекают внимание не только фонетистов, лексикологов, но и культурологов. В частности, на семантико-культурную и фонетическую адаптацию имен *Хро́л* и *Лавё́р*, наряду с именами «парных персонажей» *Кавель* и *Авель*, *Петр* и *Павел*, *Козьма* и *Домиан*, *Адам* и *Дева*, *Иван* и *Ева*, обратила внимание исследовательница М. Каспина [7, 122].

Изучение лексической ёмкости деривационных гнезд христианской лексики показало, что в составе этого обширного лексико-семантического макрополя наличествуют концепты — опорные или «ключевые» слова, употребление которых создает особый настрой убеждений и опыта христианства. Именно они обладают исключительным словообразовательным потенциалом. Речь идёт о номинативных единицах, репрезентирующих вероучение: святые предметы, храм; названия частей служб, главных праздников: *Бог, крест, ангел, свеча, обедня, вечерня, Адам, Каин, каяться, грешить, образок, епитимия (питинья, тамб.)* и др. Эти слова, являющиеся перформативами вероисповедания, эквивалентны побуждению к поступку выбора, то есть утверждению личной оценки, собственного отношения человека к храму, празднику, службе и т.п., но они встречаются и в бытовых речевых ситуациях. К примеру, используются производящие *суд, Бог* для создания словосочетания *суди-бóги класть* 'жаловаться, просить': «Мы, мастера, не станем «судибóги» класть, жалиться. За себя постоим» [9, 53]. Активно употребителен глагол *каяться*: *Ни согресишь, ни пока́исси!* (тамб.).

«Кáяться, олон. исповедываться. Я попу кáялся. Согрешающих видим, а о кáющихся Бог весть. Давидски согрешаем, да не давидски каемся» [8, II, 253]. Ключевое понятие *Бог* в составе лексемы-компози́та (*ббги*) усиливает активную значимость действия: «Суди-ббги класть, плакаться, жаловаться на обиду сильного» [8, I, 258]. Ключевые слова (*вера, церковь, покаяние* и др.) также активно участвуют в словообразовании и являются «ядрами» фразеосхем, словообразовательных цепочек, формируют «строительные ячейки» лексико-семантических объединений.

В отношении словопроизводства основным является слово «Бог», «корнеслов» которого подробно представлен в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля и составляет, по нашим подсчетам, лексическое гнездо, составляющее более двухсот единиц. За каждым из производных стоит языковая и культурная традиция, раскрываются символические коды, возникает переосмысление понятия, а высокая семиотическая значимость лексем в разных ситуациях может подвергнуться словообразовательной, художественной, литературной, узальной деформации [10]. Словообразовательные гнезда образуют ментальные универсалии *вера, душа, икона, грех, суд, благо, добро* и названия святых предметов — *икона, библия*. Концептуальное значение для религиозной когнитивной модели мира имеет лексема *смерть*, отмеченная большим числом производных, являющихся словообразовательными и семантическими дериватами, а также различными стилевыми типами художественных интерпретаций; см. «... *смерть* 'очень сильно, больно, крепко, порато'; *смертьельник* 'враг, ненавистник'; *смертный* пск. твр. 'хилый, худой'; *смертоносцы* 'люди'; *смертонос* 'насекомое *Necydalis*'; *смертоочивые* уста 'лукавые уста') [8, IV, 283–286].

Однокоренные слова русского и церковнославянского языков исторически едины и разнятся в отношении словообразовательной стилистики. Высокую стилистическую градацию создают церковнославянские, тогда как в живой речи допустимо снижение стилистики однокоренных образований. Словообразовательная деформация русской лексики особенно показательна в отношении деформации книжных слов в диалектах. Диалектная поляризация книжной стилистики ярко проявляется в разделении высокопродуктивных корней — *благ-* (дериваты церковнославянского языка) и исторически вторичного — *блаж-* (корень более характерен для диалектов). Слова, производные от этих корней в русских говорах, имеют не только не сходную, но диаметрально противоположную оценочную семантику, составляя в говорах многочисленную группу производных. Остановимся на их рассмотрении более подробно.

Семантическое изменение претерпело книжное слово «блаженный» ('благо держащий'), пришедшее из старославянского и утвердившееся в высшем сти-

листическом слое русского литературного языка. Между тем в диалектах лексема *блаженный* воспринята со снижением семантики, с аффектацией уничижительных характеристик (глупости, неполноценности) личности. В разговорной речи просторечия и говоров данная лексема утвердилась с низкими коннотативными значениями *блаженный* 'маломумный, дурачок, простофиля', а диалектный глагол *благостить* помимо основного значения 'звонить в церковный колокол' (Ворон. 1893) содержит отрицательные оценочные коннотации: *благостить, стишь, несов., неперех.* — '2. разглашать что-либо, сплетничать, говорить пустое. Тул. 1933' [11, 2, 309].

В тамбовских говорах глагольная лексема — *благостить* (с ударением на последнем слоге) употребляется в значениях, схожих с СРНГ: 1. 'звонить в колокол' 2. 'вести себя ненормально, безобразничать'. Ввиду множества образований с полярной семантикой, оценочную омонимию однокоренного прилагательного *благой* счёл нужным отметить сам В. И. Даль: «От *благой*, добрый сложилось слово *блаженный*; от *благой*, дурной — *блажной*» [8, I, 222].

Глагол *блажить*, производный от *благо*, теряет «положительную» коннотативную связь со своим производящим и транслирует отрицательные смыслы нарушения нормы: этим глаголом обозначается болезненное состояние человеческой психики (тамб. *блажить* 'притворяться дураком'). То же отрицательное значение транслируется с помощью однокоренных глаголов *сблажить* и *сблажеть*: «Сблажить — сделать что-нибудь наблажь, сдурить; // сойти с ума. Сблажеть, пск., твр., сделаться блажным» [8, IV, 41].

Образования от корня *благ-*, *блаж-*, *блаз-* с отрицательной деминутивностью чрезвычайно продуктивны и в диалектах захватывают поле отрицательной оценки: «Блажеть, жу́, жишь, *несов., неперех.* 1. 'Сходить с ума, становиться блажным'. Вят. Волог. 2. 'Шалить, дурачиться'. Вят.»; «Блажить, жу́, жишь, *несов., неперех.* — 1. Сходить с ума, вести себя ненормально; уподобляться юродивому. 2. Иметь беспокойный плохой характер... 3. Буянить, безобразничать, недостойно себя вести... 4. Бредить... 5. Смешить... 6. Уродовать...» [11, 2, 311]. «Блазнить (кого чем) соблазнять, искушать, смущать, совращать, наводить на грех» [8, I, 234]. Контексты, свидетельствующие об отклонении от норм поведения, распространяются не только на людей, но и на тварный мир: «Лошадь *блажит*, плохо объезжаю (Сарат., 1959)» [11, 2, 311].

Структурной особенностью словообразования памятных дней в церковном календаре является наличие сложного производящего, так как в качестве производящих часто выступают словосочетания. Диалект стремится к однословным номинациям, но содержательно вынужден оставлять двух-трёхсловные номинации. Как было отмечено выше, ярким примером этому служат местные названия праздников,

посвященных широко известным «парам» святых: *Кузьма и Демьян, Фрол и Лавр, Зосима и Савватий, Кирилл и Мефодий, Петр и Павел, Борис и Глеб*. И всё же адаптация происходит: народная речь видоизменяет церковное название, упрощая его в сложное слово: *Кузьмадемьяна, Петра́вля* (тамб.). Есть и другой путь уместного для речи превращения: переход в предложное сочетание с одним именем — маркером календарного названия дня с устранением второго имени (*на Хрѡла, на Кузьму́, на Лавра*) или изменение названия дня с заменой на существительное *pluralia tantum* — *на Кузьми́нки, Петра́вля*.

Таким образом, парные именованья народно-церковного календаря показывают, что говорам оказываются присущи отношения вариативной множественной производности «церковных слов», отсутствующие в литературном языке.

Интересный исторический пример сложной фонетико-словообразовательной трансформации мы обнаружили в описании рядной записки тамбовского обывателя от 1685 года, в которой исчисляется приданое невесты. Записка содержит именование владельцем своей домашней иконы — *Изосима Саватей*, произошедшее из перечисления двух имен *Зосима* и *Саватий* с их слиянием и протезой первого имени: «А благословляю я, Дементий, дочь свою Божиим милосердием в окладах: Рождеством Пресвятой Богородицы, Спасовым образом, страстотерпцем Георгием да образом *Изосимы Саватея*» [12, 366; курсив наш: написание «Саватей» согласно оригиналу]. Отметим, что в данном «историческом» случае как бы объединяются два имени в одно — образ *Изосимы Саватея*. Для современного читателя может возникнуть определенное затруднение и даже искажение смысла: название *Изосима Саватей* представляет уже как бы имя и отчество (или имя и прозвище), принадлежащее одному лицу.

В числе иных, отмеченных выше способов изменения структуры, особо выделяется клиширование как достаточно редкий и малопродуктивный тип в отношении лексики церковной сферы. Под клишированием мы понимаем свертывание фраз, идиом, паремий, ведущее к появлению нового слова или словосочетания в значении, идентичном первоначальной фразе: *на Петра, на Кузьму, на Николу*. Список открыт, его можно продолжать с вариациями: *на Николин день* или *на Николу вешнего, на Николу зимнего; на Демьяна*, также см. тамбовское *Никитин день* с двумя значениями: 1) 'празднование Новоникитской иконе Божией матери' (372 г.) и 2) 'именины Никиты', которые отмечались по старому стилю 15 сентября, 4 мая и 3 апреля. Известным примером является именование дня празднования Казанской иконы 4 ноября нового стиля — *Казанска Бѡжа Мать* (тамб.).

Клиширование отражает стремление диалектоносителя к формульности и точности, меткости

речи. Этот способ деривации регулярен не только для лексико-семантического поля народно-церковного календаря. Причиной появления подобной компрессии является также необходимость частого словоупотребления повседневных фраз: *Бог знат что!* (выражение досады). Употребляемая фраза может клишироваться с разной степенью краткости: *Бох явѡ знат!* (тамб.) в значении 'не знаю' и сокращаться до *Бознат!*. Сравним в говорах: «*Бознат, подмосковное*. «Бог е знает, неизвестно. Балесь-та палучила бознат с чиво» [5, 557 (приложение)]. Тот же процесс редукции отмечен в благопожеланиях: *С ангелом-хранителем!* «*С ангелом!* (тамб.). Ср.: «Быть с ангелом, псков. Быть именинником. 26-ва мне будит с ангилам» [13, 1, 64].

Иной ракурс рассмотрения для исследователя представляют синхронные и диахронные притяжения языковых единиц. Историческое словопроизводство отражает полисемию смыслов, имеет более обширные по составу гнезда деривации, чем современное. Говоры, сохраняют исторические формы слов с вариативными отклонениями — допускается свободная семантическая трансформация и «своя» окказиональная трактовка, причем с переосмыслением и потерей исходного содержания. В качестве примера приведём глагол *приубожиться*, производный от «парящего» над всеми смыслами слова Бог: «Приубожиться, сов. 1. Принять жалкий вид, приbedниться. *Надо как-нибудь приубожиться* Терск. 2. Начать испытывать удовольствие. *Залезла (свинья) в лужу и лежит, приубожила, хрюкает, довольная*. Новосибир. 1979» [11, вып. 32, 39]. Схожую трансформацию претерпевает двухсложный дериват *божеволиться*: «*Божеволиться* *твр. пск.* сходить с ума, дурить, сумасбродить» [8, 1, 264].

Свобода словообразовательных связей и креативное сознание носителей диалекта являются важными показателями словотворчества в говорах. Смысловое единство литературного языка и диалекта достигается в выражении отрицательных оценок: негативная модальность, характерная для русского литературного языка, остаётся актуальной в «простой» речи. Активны многочисленные дериваты с отрицательными приставками: *безверие, безбожие, безбожник, непрощеный (грех), невер, некрить, безгодная (смерть), бесстыдство* и др. В просторечии они могут быть заменены более экспрессивными синонимами, что, с точки зрения носителя языка, более точно отражает состояние ситуации — *ахальник, напрасная (смерть), стыдоба* и др.

Активность словообразовательных связей, контекстуальное разнообразие, словообразовательная стилистика создаёт градиацию стилей внутри христианской лексики, обогащает коммуникативное пространство русского языка. Слова-композиции более характерны для литературного языка и лексики высокого стиля (*благоденствие, великопроповедыватель, благодержащий*), тогда как диалекты предпо-

читают аффиксальное словопроизводство. Благодаря разнообразию и числу словоформ лексики веры и церкви, использованию разных словообразовательных формантов (архаизирующих и локальных), можно говорить об иерархической ценности стилистических уровней внутри религиозно и культурно значимого макрополя русской лексики.

Совмещение разнящихся по времени этимологий, разнотипность структур номинаций, разнообразие синтаксических моделей идиом свидетельствуют об открытости словаря русской лексики народного православия. Обладая большими деривационными возможностями системы, креативное словотворчество диалектоносителей имеет потенциальные системные возможности для лексемного расширения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е. Л. Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция / Е. Л. Березович. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014. — 488 с.
2. Шаброва Е. Н. Морфемика современных вологодских говоров. Глагол: Монография / Е. Н. Шаброва. — Вологда: ВГПУ; Русь, 2005. — 240 с.
3. Тимирханов В. Р. Особенности терминологизации лексики религиозной сферы в отечественной лингвистической традиции / В. Р. Тимирханов, А. Г. Михайлова // Вестник Башкирского университета. — 2017. — Т. 22. — № 2. — С. 483–487.
4. Рогожникова Т. П. Особенности употребления церковнославянской лексики в различных сферах общения / Т. П. Рогожникова // Омский научный вестник. — 2013. — № 5 (122). — С. 135–138.
5. Иванова А. Ф. Словарь говоров Подмосковья: Учеб.-метод. пос. для лит. фак. / А. Ф. Иванова. — М.: М-во Просвещ. РСФСР, 1968. — 598 с.
6. Фразеологический словарь русского языка. Составили: Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров / Под ред. А. И. Молоткова (свыше 4000 словарных статей). Изд-е 4-е, стереотип. М.: «Русский язык», 1987.
7. Каспина М. Восприятие сюжета о грехопадении Адама и Евы в еврейской и славянской традиции / М. Каспина // Концепт греха в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. ст. / Отв. ред. О. В. Белова. М.: Пробел, 2000. — 232 с. — С. 116–130.
8. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. (Репринтное воспроизведение издания 1903–1909 гг.) / В. И. Даль. — М.: Изд. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
9. Пулькин В. Царские персты: Сказы о Петре Великом / В. Пулькин. — Петрозаводск: Периодика, 2002. — 176 с.: ил.
10. Мещерякова О. А. Художественная интерпретация понятий «Бог», «природа», «человек» в рассказе Ивана Бунина «Над городом» / О. А. Мещерякова // Współczesne badania nad folklorem i literaturą rosyjską. 30 lat toruńskiej rusycystyki / red. B. Żejmo i I. Rzepnikowska. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2017. — S. 323–334.
11. СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин; ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1 // АН СССР. М-Л.: Наука; ЛО, 1965.
12. Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края / И. И. Дубасов. — Тамбов: тип. «Пролетарский светоч», 1993. — 443 с.
13. Псковский областной словарь с историческими данными. — Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1967 — Вып. 1.

Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина

Дубровина С. Ю., доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка

E-mail: slavia2009@yandex.ru

*Derzhavin Tambov State University
Dubrovina S. Ju., Doctor of philological sciences, Professor
of the chair of Russian language
E-mail: slavia2009@yandex.ru*